

ченіемъ этнографическимъ и экономическимъ бросаетъ свѣтъ на образованіе и характеръ народности. Во-вторыхъ, таковы тѣ вопросы, которые такъ тревожно, и слишкомъ часто такъ превратно, ставятся въ наше время,—о роли «народныхъ началъ» въ ходѣ національной исторіи, о степени самобытности историческаго развитія государства и народа, о положеніи народности относительно культурныхъ заимствованій у другихъ народовъ (особливо въ такъ-называемомъ «петербургскомъ періодѣ»), о томъ, чтѣ въ настоящее время должно въ нашемъ общественно-политическомъ бытѣ и образованности считаться народнымъ или не-народнымъ, какъ достигнуть «самобытности» и т. п.

Всѣ эти вопросы, и послѣдніе также, уже ставились въ нашей исторіографіи и раньше разсматриваемаго періода,—но никогда они не разыскивались такъ настоятельно, какъ въ послѣднее время; впрочемъ, вопросы о «самобытности» всего меньше разсматривались съ научными приѣмами, и всего больше газетно, со всѣми преувеличеніями, фантазіями и даже озлобленіемъ, внушаемыми враждою партій.

Сравнивъ ходъ нашей исторіографіи за послѣднія два-три десятилѣтія и за предшествовавшій тому періодъ (отъ Карамзина до Соловьева), мы найдемъ такой же огромный успѣхъ, какой сдѣланъ былъ за это время вообще въ изученіяхъ народа и его быта. Въ прошлой статьѣ мы указывали, въ общихъ чертахъ, чрезвычайное расширеніе и самыхъ источниковъ и предметовъ изслѣдованія, и гораздо болшую разносторонность и глубину изысканій, сравнительно съ прежнимъ. Подобное представляетъ и исторіографія. Съ первыхъ опытовъ, сдѣланныхъ Кавелинымъ и Соловьевымъ, а также первыми славянофилами, историческіе писатели съ особеннымъ вниманіемъ останавливаются на изслѣдованіи общихъ началъ, руководившихъ событіями, и общаго генетическаго развитія явленій. Рѣдкій изъ историковъ послѣдняго періода думалъ быть живописателемъ событій, какъ Карамзинъ (и дѣйствительно, ни одинъ, кромѣ Костомарова, не показалъ художественнаго дарованія), или хотѣлъ ограничиваться тѣмъ чисто внѣшнимъ изслѣдованіемъ, какое рекомендовалъ Погонинъ (подъ именемъ «математическаго метода»),—но рѣдкій не искалъ именно объясненія общихъ явленій, не искалъ логической группировки событій, установленія исторической теоріи, для которой событія должны были быть матеріаломъ и оправданіемъ. Таковы были труды Кавелина, Соловьева, К. Аксакова, Ю. Самарина, Забѣлина, Павлова, Костомарова, Щапова, Бестужева-Рюмина, Ключевского, Сергѣевича и пр. и пр. Взгляды